1941.

КОМАНДИР ОКРУЖЕНЦЕВ

ЮЛИЯ ИГНАТОВА

Юлия Игнатова

1941. Командир окруженцев

«Автор»
2026

Игнатова Ю.

1941. Командир окруженцев / Ю. Игнатова — «Автор», 2026

Июнь 1941 года. Белоруссия. Фронт рушится, немецкие войска замыкают кольцо окружения.После разгрома колонны лейтенант Нечаев собирает тридцать уцелевших бойцов и ведёт их к своим. Но по дороге к отряду присоединяются другие красноармейцы и госпитальный обоз. Теперь под его командованием больше трёхсот человек, многие из которых тяжело ранены.Боеприпасы заканчиваются, еды почти нет. Впереди — Березина, за спиной — немцы. Командиры предлагают бросить раненых и прорываться небольшими группами. Но Нечаев решает вывести всех.Он не обычный советский лейтенант. Он знает будущее. Помнит ошибки командования и цену Великой Победы. Но даже знание истории не подскажет, как спасти три сотни человек в смертельной ловушке.**Триста окруженцев. Один командир. И приказ, который он отдал самому себе: своих не бросать.**

© Игнатова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать живых 5
Глава 2. Первая ночь 13
Глава 3. Капитан на носилках 21
Глава 4. Общий приказ 28
Глава 5. Хлеб под расписку 35
Глава 6. Люди из другой части 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Юлия Игнатова
1941. Командир окруженцев

Глава 1. Тридцать живых

Человек в канаве открывал рот, но я его не слышал.

Между нами лежала винтовка. Я смотрел на неё и никак не мог понять, почему она здесь. Длинный ствол, тёмное дерево, ремень, почерневший от масла. За спиной человека горела машина. Пламя лизало борт, а над пламенем висело колесо, застрявшее на сломанной оси.

Потом кто-то ударил меня по щеке.

— Товарищ лейтенант. Слышите?

Я хотел ответить и закашлялся. В рот набилась земля. Когда я повернул голову, по виску побежало что-то тёплое.

Надо мной стоял коренастый мужчина в пыльной гимнастёрке. Голова у него была перемотана грязным полотенцем. Он держал меня за ворот и с такой силой, что я чувствовал костяшки его пальцев сквозь ткань.

— Вставайте. На дороге оставаться нельзя.

Я знал это раньше, чем разобрал его слова. Горящая машина. Открытое место. Люди, сбившиеся в одну кучу. Несколько человек, которые смотрят друг на друга и ждут, что первым поднимется кто-то другой.

— Сколько? — спросил я.

Голос прозвучал неправильно. Выше моего. Чужой.

Мужчина отпустил ворот.

— Чего сколько?

— Людей.

Он оглянулся на канаву.

— Собираем. Ваших пятеро нашёл. Остальные из обозных. Двое танкистов. У них машина дальше, в болоте.

— Раненые?

— Есть.

— Ходячие?

— Кто ходячий, уже под кустом сидит. Кто лежит — лежит.

Я сел. Земля качнулась, как палуба. Пришлось закрыть глаза и подождать, пока перестанет тошнить.

Последнее, что я помнил, было совсем другим.

Мокрые корни над головой. Зелёная куртка Сашки. Он смотрел вверх, в отверстие старого блиндажа, и говорил, что у него застряла нога. Мы приехали искать погибших. Пожилой проводник показал место, где на немецкой карте значилась дорога, а на современной рос лес. Я спустился помочь Сашке. Выше хрустнуло дерево. Вниз посыпался песок.

Я успел вытолкнуть его к свету.

Здесь свет был жёлтым, от горящей машины.

— Вы кто? — спросил я мужчину.

Он нахмурился.

— Мартынов. Старшина Мартынов.

Я повторил фамилию. Слова удерживались в голове лучше, чем окружавшая нас картинка.

— Егор, — добавил он уже тише. — Вы меня вчера за водой посылали.

Вчера я был Андреем Климовым. Сорок семь лет. Подполковник в запасе. Последние три года я зарабатывал тем, что объяснял чужим молодым командирам, почему их красивые планы разваливаются после первого раненого. Дома меня ждала Лена, а дочь прислала фотографию диплома и потребовала, чтобы я вернулся вовремя к семейному ужину.

Я не помнил никакого старшину Мартынова.

Над дорогой просвистело. Коренастый мужчина пригнул голову. Я успел увидеть, как в пыли, шагах в двадцати от нас, прыгнули две маленькие струйки.

Этого оказалось достаточно.

— Людей с дороги. В лес, туда.

Я показал на тёмную полосу ельника. Старшина взглянул в указанную сторону и остался стоять.

— Там болото.

— До болота дойдём. Сейчас — с дороги.

— А вы?

— Поднимусь.

Он хотел что-то сказать, но возле горящей машины закричали. Мартынов выругался и побежал к ней. Я опёрся на ладонь.

Ладонь была молодой.

Небольшой шрам у основания большого пальца. Грязь под ногтями. Кожа без бурых пятен, без белого рубца, который у меня остался после операции. Я перевернул руку, словно на другой стороне могло находиться объяснение.

В сорок семь лет человек уже достаточно хорошо знает своё тело. Какая нога затекает на холоде. В каком положении нельзя спать. Что отзывается в пояснице, если резко подняться с земли.

Я поднялся слишком резко.

Поясница промолчала.

Зато снова повело голову. Я схватился за дерево. На правой руке под засохшей грязью проступал рукав гимнастёрки. У воротника краснели петлицы. Ни каски, ни современных разгрузочных ремней. На поясе висела кобура.

В канаве лежал тот человек, который открывал рот.

Сейчас я его услышал.

— Пить.

Разбираться с руками пришлось позже.

Я спустился к нему. Мужчина был лет тридцати, может быть чуть старше. Густая щетина, выпуклые глаза. Под левым бедром темнела мокрая ткань. Я не стал отрывать её и рассматривать рану: собственной аккуратности хватало ровно настолько, чтобы случайно не сделать хуже.

— Кто перевязывал?

Он повернул голову.

— Санитар… Был.

— Как зовут?

— Кузьма.

— Кузьма, вы ползти можете?

— Могу.

Он попытался сдвинуться, побелел и выдохнул сквозь зубы.

Я оглянулся.

Два бойца сидели у опрокинутой телеги и смотрели на дым. Один совсем молодой, второй с тяжёлым крестьянским лицом. У молодого лежала винтовка поперёк колен.

— Вы двое. Сюда.

Они не двинулись.

— Слышали? Подойдите.

Крестьянское лицо повернулось ко мне.

— Нам своих догонять надо.

— Догоним. Сначала человека вынесем.

— Мы отстали.

— Вижу.

Молодой опустил глаза. Я подошёл к ним на два шага.

— Встать.

Он вскочил так быстро, будто ждал только этого слова. Второй поднялся медленнее.

— Ваши фамилии?

— Савельев, — сказал молодой.

— Горюнов.

— Савельев, берите под плечи. Горюнов, за ноги. В лесу положите, потом вернётесь. Здесь человек один остаться не может.

Горюнов посмотрел мимо меня, на дорогу. Я не повысил голос. Высокий, молодой голос сейчас всё равно выдал бы больше растерянности, чем власти.

— Выводить будем всех, кого сможем поднять. Начинаем с него.

Мы втроём подняли Кузьму. Он обвил рукой шею Савельева и тихо ругался, пока мы переносили его через канаву. В ельнике пахло сыростью. Земля под ногами пружинила. Между деревьями виднелась сухая гряда. До неё оставалось метров тридцать.

Когда положили раненого, я увидел ещё двоих.

Один лежал на спине и дышал мелкими, торопливыми вдохами. Второй сидел, обхватив руками живот. Рядом присела девушка с коротко остриженными волосами. На коленях у неё была раскрыта санитарная сумка.

— Вы санитар?

Она подняла глаза.

— Санинструктор. Зинаида Павловна.

— Можно просто Зинаида Павловна?

— Можно, если помогать будете.

Я кивнул на Кузьму.

— Его ещё посмотреть.

— Я уже смотрела. Ему лежать надо.

— Будет лежать. Пока здесь.

Она взяла у сидящего флягу, встряхнула её и показала мне. Пустая.

Я снял свою. В ней плеснуло совсем немного. Отдал Зинаиде.

— Найдём ещё.

Обещание прозвучало слишком легко. Я успел пожалеть о нём прежде, чем девушка отвернула пробку.

Первые пятнадцать минут я делал вещи, которые мог делать любой человек с опытом службы. Собрать оставшихся. Выяснить, кто ранен. Увести людей из места, в которое легко попасть.

Именно эти пятнадцать минут позволили мне не думать о том, что происходило.

Потом старшина принёс каску и сунул её мне в руки.

— Ваша. У колеса нашёл.

Внутри нацарапано: «Нечаев С.».

Мартынов смотрел внимательно.

— Сергей Павлович, голова сильно болит?

Я поднял на него глаза.

— Болит.

— Помните, откуда шли?

— Дорогу помню плохо.

Это было правдой. Все дороги, которые я сейчас помнил, принадлежали другому времени.

— Капитан нас на восток отправил, — сказал старшина. — До своих. Капитана накрыло. Лейтенант Фролов тоже остался на дороге. Из командиров вы один.

Я хотел спросить, кто этот капитан, какое подразделение, что за дорога. Вопросы выстроились в длинную очередь. Сперва пришлось задать тот, который помогал людям здесь и сейчас.

— Сколько собрали?

— Двадцать шесть. С теми, которых вынесли, тридцать.

— Семеро раненых?

Мартынов удивился.

— Семеро. Считали?

— Пока ходил.

Он впервые чуть смягчился.

— Ещё двое в лес полезли. Догонять?

— Далеко ушли?

— Видно их. На гряде.

— Я сам.

За елями светлело. Там, где начиналась гряда, стояли два бойца. Они не торопились уходить. Один возился с ремнём вещевого мешка, второй каждый раз оборачивался, когда на дороге хлопало.

— Дорогу на восток знаете? — спросил я.

Тот, который возился с ремнём, перестал.

— Компас есть.

— Покажите.

Он достал маленький компас на ремешке. Стрелка успокоилась не сразу. Я вернул прибор.

— Хорошо. Пойдёте с передними.

— Мы отдельно хотели.

— Зачем?

Он не ответил. Второй заговорил вместо него:

— У нас часть дальше. Нас там ждут.

— Возможно. А вы знаете, где дальше?

— На восток.

Я посмотрел на тёмные стволы. За лесом снова хлопнуло. Боец вздрогнул и сделал вид, что поправляет гимнастёрку.

— На востоке много места, — сказал я. — Вдвоём туда идти труднее. У нас есть старшина, санитар и ещё люди. Пойдём вместе до первой своей части. Там разберёмся, кто кого ждёт.

— А если не дойдём?

Здесь не было правильного ответа, который одновременно успокоил бы его и остался правдой.

— Будем искать дорогу, — сказал я. — Если найдём, вместе пройти больше шансов.

Он смотрел на мои петлицы. Я почти видел, как внутри него сталкивались две мысли. Перед ним стоял молодой лейтенант, оглушённый недавним взрывом. Но этот лейтенант уже успел поднять человека из канавы и собрать тех, кто ещё час назад сидел поодиночке.

— С собой оружие оставите? — спросил он.

— Разумеется.

— А то говорят…

— Пока вы здесь, приказы слушаете от меня и старшины Мартынова. Что говорят, потом обсудим.

Боец с компасом убрал прибор. Второй первым повернул обратно.

Я вернулся на гряду следом. На ней уже сидели люди. Тридцать человек вместе со мной. Семеро из них нуждались в помощи, двое без носилок дальше не пойдут. Зинаида Павловна перевязывала Кузьму. Мартынов положил рядом с раненым длинные жерди, найденные у разбитой телеги.

— Сошьют? — спросил я.

— Ремнями стянем. Плащ-палатку растянем.

— Кто носить будет?

— Найдём.

— Сразу назначьте. Чтобы во время движения не искать.

Он взял жердь и постучал концом по земле.

— Горюнов, слышал? Гнатюк, ты с ним. Потом сменятся.

Из-за деревьев вышел невысокий боец с круглыми очками. Одна дужка держалась на нитке. Он нёс две фляги.

— В кузове нашёл.

— Ещё там что?

— Ящик сухарей. Горит с другой стороны.

Я посмотрел на старшину.

— Одного туда не пускать.

— Уже сняли. Шесть мешков, половина на земле. Сколько целого, не разобрал.

Мартынов говорил отрывисто. Каждый ответ давал понять, что здесь он знает больше моего. Это было хорошо. Собирать людей вокруг собственного незнания гораздо труднее, чем вокруг человека, который помнит, где лежат сухари.

— Вы хозяйство берёте, — сказал я. — Вода, еда, чем нести раненых. Я — дорогу. С передними нужен человек, который знает местность.

— Гнатюк здесь родился. Только он на носилках пока.

— Пусть сначала покажет направление. Потом подменим.

Старшина перестал возиться с ремнём и посмотрел на меня.

— Вы, товарищ лейтенант, это… иной раз не так говорите.

Я потёр висок. На пальцах осталась кровь.

— До сих пор в голове шумит.

— Понятно.

Мне было непонятно всё.

Но в ближайшие полчаса можно было жить без ответа на главный вопрос. Были тридцать человек и лесная гряда. Были два раненых, которым требовались носилки. Была вода, которой не хватало, и еда в разбитом кузове. Всё остальное пока мешало.

Я заставил себя присесть и осмотреть голову. Каска треснула у края. На виске разошлась кожа, но кровь уже почти остановилась. Зинаида протёрла мне лицо и сердито спросила, когда я ел.

— Не помню.

— Тогда съешьте сухарь. Вы сейчас упадёте, а поднимать вас некому.

Сухарь пах гарью. Я держал его в руке и думал, что ещё утром Лена просила купить хлеб. Обычный хлеб из магазина рядом с домом. Не обсуждала, какой приказ я отдам, если придётся выбирать между безопасностью и раненым человеком. Просто сказала, чтобы я не забыл взять тёмный, который она любит.

Я откусил. Сухарь разломился, и крошки посыпались на гимнастёрку.

За воротником лежала тонкая цепочка. Я нащупал её, вытянул маленькую пластинку с крестом. В моей жизни ничего такого не было.

В нагрудном кармане обнаружились бумаги.

Я открыл корочку, прикрывая её ладонью от чужого взгляда. Фотография молодого мужчины. Светлые волосы, упрямый рот, нос с небольшой горбинкой. Я коснулся собственного носа.

Нечаев Сергей Павлович.

Чуть ниже дата рождения. Тысяча девятьсот семнадцатый год.

До меня медленно дошло значение этих цифр. Не весь ужас сразу, а маленький кусок, который удалось вместить между двумя вдохами.

Двадцать четыре.

Мне было двадцать четыре.

Рядом с удостоверением лежало письмо. Бумага размягчилась на сгибах. «Серёжа, получила твоё письмо…» — начиналось оно.

Я сложил лист прежде, чем успел прочесть дальше. У человека на фотографии была мать. Она писала ему, ждала ответа, может быть уже знала, что началась война. Где теперь находился сам Сергей Нечаев, я не представлял.

Надо было выбраться из леса хотя бы ради того, чтобы его мать когда-нибудь получила письмо.

Мартынов присел рядом.

— Пробовать идти?

Я сунул бумаги обратно.

— Пробовать.

— До болота по гряде можно. Дальше Гнатюк знает тропу к деревне. Там дорога.

— Деревня наша?

Старшина медленно пожал плечами.

— Вчера была.

Это слово мне не понравилось. Вчера.

В моей службе бывали случаи, когда полученная час назад информация уже стоила меньше листа, на котором её записали. Здесь сведения путешествовали пешком, а противник двигался на машинах. Между «вчера» и «сейчас» могло лежать всё, что угодно.

— Передние посмотрят. Колонну на дорогу сразу не выводить.

— Так и сделаем.

Старшина поднялся.

Я задержал его:

— Егор. Какое число?

Он замер.

— Двадцать девятое.

— Месяц?

Мартынов посмотрел на меня уже совсем иначе. Без прежнего подозрения, с настороженной жалостью.

— Июнь, товарищ лейтенант. Двадцать девятое июня. Восьмой день войны.

Я кивнул, чтобы он не продолжал. Ему ещё нужно было выводить людей, а он уже думал, выдержит ли командир хотя бы следующий переход.

Тысяча девятьсот сорок первый.

Эти четыре цифры я произнёс только мысленно. Они не изменили ни звука в лесу. Зинаида продолжала укладывать Кузьму. Боец в очках поправлял нитку на дужке. Горюнов с Гнатюком спорили, как удобнее перехватить жердь.

Мне предстояло жить среди людей, чьи фотографии я раньше видел под стеклом музея.

Я закрыл глаза на один удар сердца.

За это время могло произойти спасительное возвращение. Больничный потолок. Лена возле кровати. Сашка, который рассказывает, как меня вытаскивали из земли.

Когда я открыл глаза, напротив всё ещё сидел Савельев. Он держал чужую флягу и старательно не смотрел в сторону горящей дороги.

— Встаём, — сказал я.

* * *

С места тронулись неловко.

Первую сотню метров носильщики шли слишком быстро, потом резко сбавили. Раненый на второй паре жердей стонал каждый раз, когда люди попадали в разный шаг. Мартынов вернул одного бойца за забытым мешком. В середине колонны двое не могли решить, кому нести пулемётные диски. Человек, который ещё недавно хотел уходить отдельно, то и дело оглядывался.

Я шёл рядом с носилками Кузьмы и удерживал себя от желания раздать сразу десять распоряжений.

Сорокасемилетний Климов мог опираться на людей, которых знал по нескольку лет. Он знал, кому достаточно кивнуть и кто переспросит, даже поняв приказ. Двадцатичетырёхлетний Нечаев не имел в моей памяти ни одного такого человека.

Кроме старшины. Старшина за последние полчаса успел сделаться опорой.

— Егор, темп по носилкам, — сказал я.

— Понял.

— И остановки заранее. Чтобы хвост не отрывался.

Мартынов передал вперёд. Первые замедлились. В головной боли появились промежутки, в которых я мог думать.

Мы пересекли низину, пахнущую стоячей водой. Гнатюк показал на узкую полосу между двумя осоковыми кочками. Через неё перевели носилки. Затем поднимались на другую гряду. Сухая земля под сапогами оказалась такой радостью, что один из бойцов улыбнулся.

От дороги всё ещё тянуло дымом, но пламени уже не было видно.

На первой остановке Савельев достал огрызок карандаша.

— Списать людей? — спросил он.

— Вы писарь?

— Учитель. Был.

— Списывайте. Имя, фамилия, откуда. Потом старшина дополнит.

— Бумаги мало.

Я достал из кармана небольшой блокнот. Сверху несколько строк незнакомым почерком, ниже чистые листы. Это был блокнот Нечаева. Я провёл пальцем по последней записи и отдал Савельеву.

— На один лист всех не тесните. Должно быть видно.

Он взял карандаш иначе, чем берут его люди, которым приходится писать редко. Успокоился, выпрямился. Подозвал бойца в очках.

— Фамилия?

— Липатов.

— Имя?

— Семён.

Простые вопросы начали возвращать окружающим что-то человеческое. Ещё недавно они были людьми у канавы. Теперь Семён Липатов попросил, чтобы его записали вместе с братом, от которого он отстал ещё утром. Брата среди нас не было. Савельев поднял глаза, ожидая моего решения.

— Отдельно отметьте, что ищем, — сказал я.

Кузьма попросил повернуть его на другой бок. Зинаида проверила повязку. Горюнов осторожно поправил жердь.

Тридцать живых.

Сейчас это было всё, что мне принадлежало.

Впереди что-то треснуло. Из кустов появился боец с компасом, которого я отправил с передними. Он шёл быстро, но до гряды не побежал. Это было хорошим признаком. Даже напуганный человек иногда помнил, что лучше не шуметь.

— Товарищ лейтенант.

Я поднялся.

— Что?

— На дороге машины.

— Чьи?

— Немецкие. Две. И мотоцикл.

— Видели знаки?

— Видели. Кресты. Стоят у поворота. Люди ходят.

Старшина оказался рядом прежде, чем я позвал.

— Деревню объехали, — сказал он. — Значит, и там могут быть.

Я посмотрел на носилки. Затем на Савельева, который ещё не успел записать всех.

Люди ждали.

Вчера я был человеком, который приехал из дома на несколько дней и обещал купить хлеб по возвращении. Сегодня они ждали от меня дороги через чужую войну.

— Передним отойти к нам, — сказал я. — На дорогу не выходим.

Мартынов кивнул.

— Куда тогда?

Я снова поднял блокнот, оставленный Савельевым на мешке. На первой странице двадцатичетырёхлетний лейтенант когда-то нарисовал простой значок и написал: «Сверить на месте».

Хороший был совет.

— Посмотрим сами, — сказал я.

Глава 2. Первая ночь

Машины стояли там, где дорога поворачивала к деревне.

Я лежал за корнями упавшей сосны и видел только верхушки кузовов. Возле мотоцикла двигались двое. Один развернул какой-то лист, второй курил и смотрел в нашу сторону. Видимо, на этот поворот они приехали раньше нас и теперь выясняли, кого ещё можно здесь встретить.

Мартынов устроился рядом. Под ним хрустнул сучок. Мы замерли, но человек у мотоцикла даже не поднял головы.

— До деревни отсюда недалеко, — прошептал старшина. — Гнатюк говорит, вдоль поля можно. Там канавы.

— Если мы их видим, они нас тоже увидят.

— За канавами кусты.

— С носилками?

Он помолчал.

Я раньше достаточно часто слышал такое молчание. Человек уже понял ответ, но ещё надеялся, что командир придумает способ отменить неудобное обстоятельство.

Двое лежачих меняли всё. Без них двадцать три здоровых человека могли пересечь поле быстро, а остальные, хромая, постарались бы не отстать. С носилками группа превращалась в медленный, заметный обоз. Обычное решение переставало быть решением.

Мы отползли от сосны. Через несколько десятков шагов поднялись и пошли обратно.

Зубцов, боец с компасом, ждал на краю гряды. Он держал винтовку обеими руками и то и дело поворачивал голову.

— Не видели нас? — спросил он.

— Нет. Где Гнатюк?

— У раненых.

Когда мы подошли, Кузьма сидел, а человек на вторых носилках лежал на боку, согнув ноги. Зинаида осторожно накрывала его плащ-палаткой.

— Как фамилия? — спросил я.

Она поняла, о ком речь.

— Туровец. Фёдор Ильич.

— Он до утра выдержит?

Зинаида посмотрела на меня с усталой злостью.

— Вам кто такое скажет?

Вопрос был дурацкий. Я сам знал это прежде, чем договорил.

— Что ему сейчас нужно?

— Чтобы не трясли. И к врачу. И вода.

Врач находился где-то в другом мире. Вода существовала рядом, в низине, но никто из нас не знал, что попадало в неё с дороги. Требовалось получить хоть какую-то возможность выбирать.

Я позвал Гнатюка. Это был человек с длинным лицом и тёмными усами. Он сразу показал рукой на север.

— Можно ещё там. Только дальше. Просека старая, от лесничества.

— До дороги далеко?

— Выводит опять к дороге. Но дальше деревни.

— Грунт?

— Сухой. Если за прошлый год не разрыли. Я здесь до армии был.

— Когда?

— В тридцать девятом.

Я посмотрел на Мартынова.

— Передним проверить. Остальные пока отдыхают. Потом идём за ними.

Старшина поймал Гнатюка за рукав.

— С носилок снимем тебя. Горюнов найдёт себе второго.

Горюнов сидел возле Кузьмы и поправлял ремень на винтовке. Когда его назвали, он не поднял головы.

Потом, уже в пути, мне объяснили, что он плотник. Его руки это подтверждали: на указательном пальце не хватало половины ногтя, кожа у костяшек была толстая и потрескавшаяся. Он нёс жердь так, будто она весила меньше пустого ведра, но всё время смотрел на ноги раненого.

Я остановился рядом.

— Слышали?

— Слышал.

— Обход проверим, пойдём.

— Полякову надо врачей, товарищ лейтенант. Мы пока шатаемся по лесу, он здесь кончится.

Кузьма открыл глаза.

— Не кончусь.

— Молчи ты.

Горюнов сказал это почти ласково.

— Знакомы? — спросил я.

— Соседи. С одной улицы.

Значит, в канаве он сперва отказался выносить человека, которого знал. Не потому, что тот был ему безразличен. Он просто сидел возле горящей машины и не мог придумать, как снова начать делать что-нибудь, кроме ожидания.

Такое с людьми случалось. В последние годы я привык рассказывать об этом спокойно, перед молодыми слушателями. Называл признаки, объяснял, что иногда достаточно дать простую задачу. Сейчас мне вспомнилось, насколько мало эта простота означает для того, кому задачу дают.

— До первой своей части вместе пойдём, — сказал я. — Там попробуем найти помощь.

— Слова, — произнёс Горюнов.

— Пока слова.

Он медленно кивнул, как будто такой ответ был ему понятнее.

* * *

Ждать было хуже, чем идти.

Люди разобрались с сухарями, допили воду, затем стали вставать без всякой причины. Один пополз на край гряды посмотреть дорогу. Мартынов вернул его. Другой полез проверять имущество, которое уже проверял десять минут назад.

У каждого из нас было слишком много времени, чтобы вообразить, чем займутся немцы, когда закончат смотреть свою карту.

Я подошёл к Савельеву.

— Список сделали?

Он показал блокнот. Тридцать фамилий, рядом имена и короткие пометки. Возле некоторых стояло «рана», возле других — названия мест. Семён Липатов записан из Вологодской области. Кузьма Поляков и Егор Горюнов — из одной деревни под Рязанью.

Рядом с Туровцом Савельев оставил вопрос.

— Не говорит?

— Зинаида Павловна не велела его мучить.

— Правильно. Позже спросим.

Бумага помогала помнить всех. Помнить же приходилось не только для будущего донесения. Я должен был знать, кто окажется у меня за спиной через час, кто сможет донести носилки до остановки и кому понадобится смена раньше.

— Считать умеете хорошо? — спросил я.

Савельев неожиданно улыбнулся.

— Арифметику преподавал.

— Тогда в дороге старшине помогайте. На каждой остановке сверяемся. Если человек отстал, сразу говорите.

Улыбка погасла.

— А если мы не заметим?

— Для этого и считаем.

— Я раньше никогда…

— Привыкнете. Пока проверяйте по своему листу.

Он провёл пальцем по фамилии, чтобы не потерять место.

На первом листе Савельева стоял порядковый номер перед каждой фамилией. Тридцать коротких строк. Я посмотрел на них и вспомнил свой прежний батальон: тогда людей было больше, а каждый вечер я знал, где искать любого из них. Здесь даже эти тридцать предстояло узнать заново.

Пока у меня были только эти тридцать фамилий.

Дозор вернулся к вечеру. Зубцов шёл первым, Гнатюк за ним. Лица у обоих были серьёзные, но спокойные.

— Просека есть, — сказал Гнатюк. — К дороге не выходили. Дальше поле, только с другой стороны. По краю можно лесом.

— Кто-нибудь был?

— Следы телеги. Колея старая. Людей не видели.

Я предложил каждому попить, прежде чем начинать доклад заново. Пока они утоляли жажду остатками из фляги, старшина подошёл к Савельеву.

— Петька. Пересчитай.

Пётр Савельев поднялся.

— Я сейчас…

— Сейчас и пересчитай. Чтобы тронуться.

Носильщики встали. Зинаида придержала плащ-палатку Туровца. Кузьма спросил, далеко ли деревня. Горюнов ответил, что теперь далеко, зато голова целее будет.

Шутка получилась грубой. Несколько человек всё-таки улыбнулись.

Мы тронулись к северному обходу.

Первый час я провёл между головной группой и носилками. Когда передние ускорялись, приходилось возвращать темп. Когда отставал хвост, приходилось выяснять причину. Причины были маленькие и вполне уважительные: расшатанная подошва, болезненная повязка, ремень, который начал натирать плечо.

Их было слишком много, чтобы раздражаться из-за каждой.

Гнатюк иногда останавливался и рассматривал деревья. Лес, который он помнил, изменился. Где-то вырубили участок. Где-то заросла дорожка. Один раз он попросил вернуться на сотню метров: узнаваемый просвет оказался совсем не тем, который он искал.

Зубцов недовольно посмотрел на компас.

— На восток бы прямо.

— По прямой болото, — ответил Гнатюк.

— Болото везде.

— Можешь первым попробовать.

Я остановил спор.

— Сначала проверяем. Потом ведём остальных.

Усталость у людей накапливалась неровно. В здоровом молодом теле у меня оставались силы, которым я давно отучился доверять. Я мог идти быстрее, нагибаться без привычной боли, удерживать тяжёлую жердь. От этого хотелось рассчитывать путь так, будто все вокруг получили такую же отсрочку.

Поляков на носилках напоминал, насколько опасно это желание.

На очередной остановке я попробовал помочь Горюнову. Взял заднюю жердь и вместе с ним переставил носилки на сухое место.

— Не надо, — сказал он. — В голову опять кровь приливает. Видно же.

— Нормально.

— До нормального вам ещё дожить.

Я ощутил, что спорить с ним бессмысленно. Отдал жердь Липатову и сел.

После того как на минуту замер, головокружение действительно вернулось.

Мартынов увидел это сразу.

— Хоть воду допейте.

— У других есть?

— Есть. Нашли чистый колодец возле старой сторожки. Гнатюк сходил. Всех наполнили.

Я взял флягу. Старшина успел устроить маленькую победу, пока я занимался дорогой, и не потребовал за неё особого внимания.

— Спасибо.

Он сделал вид, что не услышал.

Липатов поправил очки и спросил, будем ли останавливаться на ночь. Я оглянулся на небо между верхушками.

— Найдём подходящее место.

— Хотелось бы поскорее.

— Всем хотелось бы.

У него были красные глаза. У всех были. Даже у тех, кто пока не успел получить рану.

* * *

Опасность мы заметили слишком поздно.

Просека вышла к заросшему участку, за которым начиналась узкая грунтовая дорога. Гнатюк и Зубцов проверили её и вернулись. По их сведениям, перейти можно было. Машин не слышно, людей нет.

Передние уже скрылись между деревьями с другой стороны, когда в низине за поворотом затарахтел мотор.

Сначала звук показался далёким. Затем стал ближе. Потом между кустами мелькнула машина.

Я поднял руку, но носильщики стояли посередине дороги. С одной стороны спуск, с другой крутой край. Переставить жерди быстро они не могли.

Горюнов первым понял, что происходит. Рванул передний конец носилок к деревьям. Кузьма вскрикнул.

Мотоциклист у поворота тоже увидел нас.

Я никогда потом не пытался восстановить эти несколько минут как красивую последовательность решений. В памяти остались обрывки: ругань Горюнова, запах горячего мотора, светлая кожа человека на заднем сиденье мотоцикла. Он поднял оружие. Зубцов начал стрелять, не дожидаясь приказа.

Один боец присел у канавы и не мог подняться.

Я потянул его за ворот.

— В лес.

Он показал на ногу. На гимнастёрке внизу быстро расползалось пятно.

— В лес, говорю. Помогу.

Взял его под руку. Он навалился так, что мы оба едва не упали.

Мартынов уже вернул головных. Люди стреляли в сторону дороги, кто-то тянул вторые носилки. Зинаида прижала Туровца к жердям, чтобы он не скатился.

Я видел только ближайшие несколько метров. Всё, что раньше называл управлением боем, в этот момент свелось к тому, чтобы слышали старшину и не оставили раненых.

— Дальше! За деревья!

Кто-то переспрашивал, куда дальше. Я показал рукой и повторил.

Зубцов держал винтовку неудобно. По его лицу текла кровь. Позже оказалось, что пуля или осколок задели плечо, а лицо он вымазал, когда потрогал рану.

Мотоцикл остановился у поворота. За ним двигались ещё люди. Мы могли задержаться здесь и закончить тем, что всю нашу маленькую группу прижмут к сырой низине.

Я послал Липатова передать головным, чтобы не останавливались. Сам вернулся к носилкам Полякова.

Горюнов лежал рядом.

Кузьма кричал его имя.

Жердь выскользнула из руки Горюнова и застряла между двумя корнями. Лицо плотника было обращено к небу. Под гимнастёркой возле груди ткань темнела.

Я присел.

Он посмотрел на меня. Может быть, не увидел. Пальцы шевельнулись возле ремня.

— Кузьму… — сказал он.

— Выведем.

Он не кивнул. Глаза перестали следить за мной.

Я потянул его за плечо, ещё надеясь, что ошибся.

Зинаида оказалась рядом, бросила взгляд и больше не стала тратить времени.

— На носилки, — сказала она.

Она говорила о Полякове.

К нам подбежал молодой боец. Я не сразу вспомнил его фамилию. Он взял свободную жердь. Мы подняли носилки и двинулись между деревьями. Сзади продолжали стрелять.

Кузьма вцепился в край плащ-палатки.

— Его тоже. Егор там.

Я не ответил. Не потому, что не хотел. Дыхания хватало только на движение.

Через несколько десятков шагов дорога перестала быть видна. Старшина собрал тех, кто ещё оставался позади. Два раза я услышал, как он вызывает людей по фамилиям. Один раз он сказал кому-то то, чего нельзя было бы сказать в учебной аудитории.

Мы дошли до склона и спустились вниз. За ним звук мотора ослаб.

Передние остановились только там, где Гнатюк нашёл глубокую ложбину с сухой землёй. В неё по одному втянулись люди. Носильщики поставили Полякова, затем Туровца. Зинаида сразу принялась за нового раненого.

Я вернулся на верхний край и дождался Мартынова.

Он привёл ещё троих.

Последним шёл Савельев. Очки на лице у него были чужие — Липатова. Тот протянул их учителю, чтобы не потерять, пока нёс человека.

— Все? — спросил я.

Старшина покачал головой.

— Горюнов.

— Знаю.

— Ещё кто?

— Сосчитать надо.

Мы поднялись чуть дальше, чтобы видеть подход. Мартынов протёр лицо рукавом. Полотенце на его голове сдвинулось.

— На дороге людей больше, чем сначала увидели, — сказал он. — Не наша группа их интересовала. Тут движение у них.

Это было полезное замечание. Враг не прислал отдельный отряд, чтобы поймать тридцать советских солдат. Мы просто оказались на дороге, которой он пользовался.

От этого смерть Горюнова не становилась легче.

— Отойдут? — спросил я.

— Кто их знает. Если след заметили, могут пройти.

— Тогда отдохнуть недолго. Раненых перевяжем и дальше.

Мартынов посмотрел мне прямо в лицо.

— Вы тоже сядьте. Чтоб опять не повело.

Я хотел возразить, но возле носилок сидел Поляков и повторял: «Егор там». В этот момент любые разговоры о моей способности выдержать нагрузку показались совершенно пустыми.

Я сел.

* * *

Савельев пересчитал нас дважды.

— Двадцать девять, — сказал он.

— Все по списку?

— Все. Кроме…

Он остановился, хотя я уже назвал потерю.

— Кроме Горюнова, — сказал я.

Савельев кивнул. На листе после двадцатой строки появилось короткое слово. Учитель написал его так аккуратно, словно надеялся, что старательный почерк хоть что-нибудь исправит.

Зинаида перевязывала Быкова, раненного в ногу. Зубцов держал руку прижатой к боку. Он пытался шутить и говорил, что теперь с компасом неудобно. Никто не рассмеялся.

Кузьма лежал молча.

Я подошёл к нему. Сел рядом на корточки.

— Документы Егора у меня, — сказал я.

Поляков смотрел вверх.

— Он утром говорил, что надо до части. Там своих найдём.

— Найдём.

— Только сам не найдёт.

Я не стал убеждать его, что Горюнов погиб ради спасения товарища. У Кузьмы было право не слышать таких слов. Ему нужно было жить с дырой в бедре и с памятью о соседе, которого оставили на дороге.

— У него семья? — спросил я.

— Жена. Двое. Старшая уже читает.

Савельев подошёл с блокнотом.

— Имя жены знаете?

Кузьма назвал. Учитель записал. Я не вмешивался.

Наконец Поляков повернул голову ко мне.

— Вы правда до своих будете всех вести?

— Буду.

— И его имя чтобы не потеряли.

— Не потеряем.

Он закрыл глаза.

За несколько часов моя странная новая жизнь успела стать слишком тесной для вопросов о времени. В этой тесноте помещались двадцать девять человек, две пары носилок и документы Горюнова. Больше я пока не мог взять.

Лена однажды сказала, что после увольнения я по-прежнему прихожу домой так, будто оставил за дверью людей, которым не объяснил задачу. Я обиделся. Сказал, что давно привык отделять службу от дома.

Теперь я сидел в чужом лесу и понимал, что никогда не умел этого делать.

Мартынов разложил сухари. Самый большой кусок протянул Зинаиде. Она взяла, не переставая придерживать повязку.

Липатов наконец надел очки. Нитка на дужке порвалась, и он заменил её узкой полоской ткани. Савельев помог ему завязать узел. Гнатюк осматривал место для следующего перехода.

Отряд продолжал работать.

Это и удержало меня.

Я встал, попросил Савельева убрать блокнот в сухое место и вместе со старшиной прошёл людей. Задачи на дальнейшее движение пришлось поменять: Горюнов нёс Полякова, теперь вместо него требовался другой человек. Быкову помогали под руку. Зубцов мог идти, но винтовку ему временно передали Липатову.

Каждая потеря меняла расположение живых.

Мы прошли ещё немного и устроились там, где лесничная просека разветвлялась. Темнота уже не позволяла идти по незнакомой низине без риска. Впереди остались люди, которым Мартынов доверял. Остальные сидели, прижавшись к деревьям.

Спать по-настоящему почти никто не мог.

Где-то далеко гремело. В сторону дороги время от времени поднимался свет. Сапоги натирали. Раненые просили воды. Мы говорили тихо, но в лесу каждый шёпот казался отдельным звуком.

Мне предстояло привыкнуть к ночам сорок первого года. Первую я прожил, всё ещё ожидая, что после короткого сна открою глаза в больнице.

Заснуть не удалось.

Старшина подошёл ближе к полуночи.

— Кто-то идёт.

Я поднял голову.

— Много?

— Четверо у передних. Другие дальше. Наши, говорят.

Мы вышли к просеке.

В темноте я сперва увидел винтовку. Потом лицо человека над ней. Худой, с щетиной, он смотрел на наши петлицы и пытался понять, может ли перестать держать нас на прицеле.

Мартынов назвал себя и часть, к которой относились его люди. Человек ответил.

Ещё две фамилии я не расслышал. Затем прозвучало слово, которое сразу изменило разговор:

— Капитан.

— Сам здесь? — спросил я.

— На носилках. Нога перебита. Нас к вам отправил.

Мартынов взглянул на меня.

До этого момента старшим был я.

Я мог бояться, сомневаться и вспоминать современную жизнь, но мне не приходилось объяснять, почему молодой лейтенант разговаривает как человек, успевший прожить ещё двадцать три года.

Теперь придётся.

— Ведите, — сказал я. — Только раненого осторожно. У нас есть санинструктор.
Человек наконец опустил винтовку.

Глава 3. Капитан на носилках

Капитан посмотрел на меня так, будто я оказался ещё одной неисправностью, которую требовалось устранить до рассвета.

Его принесли к нам четверо. Носилки были сделаны аккуратнее наших: две прямые жерди, натянутый брезент, ремни, которые не расползались на ходу. Раненый лежал, подложив под голову свёрнутую шинель. Левую ногу закрывала ткань. Даже в сумерках было видно, что передвижение далось ему тяжело.

— Нечаев Сергей Павлович, — сказал я. — Лейтенант.

— Зорин. Борис Андреевич. Кто старший?

Я почувствовал, как за моей спиной замолчал Мартынов.

— До вашего прибытия я руководил переходом.

— Часть?

Старшина утром назвал мне номер. Я повторил его теперь так, как повторяют однажды выученное правило, не имея возможности проверить. Остальные люди относились к разным подразделениям. Мне пришлось сразу добавить это, чтобы капитан не принял нашу группу за остатки одного взвода.

Он спросил, где командир роты. Я объяснил, что известно со слов Мартынова.

Зорин посмотрел на старшину.

— Подтвердите.

Егор подтвердил. Без лишних слов рассказал о разбитой колонне, о том, кого нашли на дороге, о раненых и об обходе. Про нашу последнюю потерю он сказал в конце.

— Горюнов Егор Степанович. У дороги оставили. Документы забрали.

Капитан закрыл глаза, затем открыл снова.

— Носилки сюда поставьте. Винтовки далеко не убирайте.

Зинаида попросила освободить место. Носильщики отступили. Она присела возле ноги и спросила, когда его перевязывали.

— Днём. Санитар погиб.

— Температура есть?

— А вы потрогайте. Я сам себе не градусник.

В другой обстановке это могло бы прозвучать грубо. Сейчас Зинаида только кивнула.

— Товарищ лейтенант, отойдите. Мне свет нужен.

Мартынов достал небольшую лампу, найденную у обозных. Прикрыли её тканью, чтобы узкая полоска света не уходила в лес. Капитан наблюдал, как мы устраиваемся вокруг его носилок.

Двадцать четыре новых человека. Кроме Зорина, ещё двое ранены — Кондратенко в плечо и Рябов в голень. Оба могли идти. У остальных проблемы назывались иначе: голод, бессонница, натёртые ноги, потерянная часть.

Савельев уже работал с блокнотом. Присоединяемые отвечали ему неохотно, потом услышали, что он записывает также фамилии отставших товарищей, и стали говорить больше.

— Это зачем? — спросил капитан, кивнув на учителя.

— Чтобы знали, кого ведём.

— Донесение писать будете?

— Когда найдём, кому передать.

Он ещё раз внимательно посмотрел на меня.

— Карту покажите.

Я отдал ему блокнот Нечаева. Зорин перелистал несколько исписанных страниц и положил рядом.

— Это записи. Карта где?

Карты у меня не было.

Гнатюк знал лес, Зубцов имел компас, а я располагал единственным направлением, которое в этом году предполагало надежду. Восток.

— Утрачена, — сказал я.

Капитан протянул руку человеку возле своих носилок.

— Коршунов.

Тот расстегнул командирскую сумку, осторожно вытащил сложенные листы. Зорин попросил меня сесть рядом, разложить карту на шинели и прижать края.

Я увидел знакомые названия.

Минск. Червень. Березино.

Я бывал в Минске раньше. У меня в телефоне остались фотографии мирного центра. Теперь город уже пережил первые бомбёжки. Эти фотографии не помогали выбирать дорогу лесной колонне. От моего знания области в данный момент было почти столько же пользы, сколько от воспоминания о гостиничном завтраке.

— Где вы нас подобрали? — спросил капитан.

Гнатюк показал район. Не точку, а место между двумя дорогами. Мы с Зориным уточнили по рассказу путь от разбитой колонны. Получилось приблизительно.

— Хорошо, — сказал капитан. — А немцев где видели?

Я перечислил только то, что видел сам, затем позвал Зубцова. Он добавил свои наблюдения. Зорин не требовал от нас численности, которую мы не могли знать. Несколько раз уточнил время.

Меня это успокоило.

Рядом лежал раненый офицер, который тоже понимал цену сведениям. Он не собирался вылечить неизвестность командным голосом.

— Вдоль большой дороги идти нельзя, — сказал он наконец. — К Минску тоже нельзя. С юга обойдём. Потом к Березине.

— Наши там?

— Должны быть.

Я поднял голову.

— Когда получены сведения?

— Позавчера.

Капитан заметил, как изменилось моё лицо.

— Других нет, лейтенант. Сейчас прикажете мне новые сведения родить?

— Сейчас предлагаю проверить ближайший участок.

Он помолчал, потом кивнул.

— Это проверяйте.

* * *

До утра оставалось несколько часов.

Зорин хотел сам продолжить разговор, но Зинаида не позволила.

— Сперва дайте ему посидеть спокойно, — сказала она. — Он с вечера зубами стучит.

— Я лежу, — ответил капитан.

— Вот и лежите.

Она смотрела на рану без того ужаса, который я заметил у молодых носильщиков. Я был ей за это благодарен. Если человек, умеющий перевязывать, переставал работать из-за увиденного, остальным становилось совсем плохо.

После её ухода капитан позвал меня ближе.

— Кто знает вас из этих людей?

— Старшина. Пятеро бойцов моего взвода.

— Почему они говорят, что вы ничего не помните?

Я ощутил холод. Слова о контузии уже начали жить отдельно от меня.

— После взрыва провалы.

— А приказы давать можете?

— До этого места дошли.

Зорин не улыбнулся.

— Я серьёзно спрашиваю.

— Могу. Но часть фамилий пришлось заново узнавать. И события перед ударом не восстановил.

Он смотрел долго. Я не отвёл глаза.

Нечаев был настоящим человеком. Лейтенантом. У него имелись документы, мать, блокнот, пятеро солдат, которые знали его до моего появления. Использовать эту жизнь как подходящую маскировку оказалось неприятно. За каждой найденной мной вещью стоял человек, которого здесь знали, а я не помнил.

Но если рассказать Зорину правду, он получит лишь ещё одного раненого, которому нужна помощь. Под моим началом останутся люди, привыкшие слушать офицера, а офицер заявит, что родился через тридцать восемь лет после начала этой войны.

Я должен был пока оставаться Нечаевым.

— Удостоверение, — сказал капитан.

Я достал корочку.

Он проверил фотографию и записи. Вернул. Потом позвал Мартынова.

Старшина присел с другой стороны носилок. Зорин опять спросил про разбитую колонну, на этот раз подробнее. Слушал и одновременно смотрел на меня. Я понимал, что первые обстоятельства нашей встречи сейчас превращаются в проверку.

— Как двигались после удара? — спросил он.

Мартынов показал на ельник.

— Товарищ лейтенант людей поднял. Сам Полякова выносил. Потом севером пошли.

— Взвод вёл так же, как раньше?

Старшина потёр щёку.

— Порядок навёл. Раньше… По-другому было.

— Как по-другому?

— Молодой, товарищ капитан. Все молодые.

В этом ответе он неожиданно защитил меня. Я не просил его, но Егор уже сделал собственный выбор. Может быть, после того как мы переставляли носилки, молодой лейтенант стал для него важнее объяснения, почему изменился.

Зорин отпустил старшину.

— Вас трясти не буду, — сказал он мне. — Надо смотреть по службе. Начнёте путаться, скажете сразу. За людьми ответственность есть. Понимаете?

— Понимаю.

— Иногда не понимают. Даже когда отвечают точно так же.

Капитан лёг удобнее и выдохнул сквозь зубы.

Я видел, каких усилий ему стоил каждый спокойный вопрос. Он был младше меня прежнего, но для этих людей сейчас воплощал опыт и законную старшую власть. У меня же оставалось лицо человека, который лишь недавно успел закончить училище.

Зорин мог отменить любое моё решение.

Он не отменил. Он проверял, стоит ли опираться на меня дальше.

— Ночью отдыхайте, — сказал я. — Утром карту ещё раз сверим. Людей посчитаем, посмотрим, как вам удобнее двигаться.

— Мне никак не удобно.

— Тогда как получится.

Он чуть повернул голову.

— Вот это годится.

* * *

Новый связист обнаружился у дерева с обломанным стволом.

Он сидел, держа на коленях небольшую сумку, и что-то осторожно перебирал внутри. Коршунов назвал его Беляевым. Я присел рядом.

— Радиостанция?

Связист поднял взгляд. Ему было лет двадцать пять — двадцать семь. Узкое лицо, кривоватая улыбка, которая словно появлялась прежде, чем он решал, смешно ли происходящее.

— Была бы радиостанция, товарищ лейтенант, я бы сейчас с вами разговаривал гораздо увереннее.

— Что есть?

Он показал детали и провод.

— Остатки имущества. Прибор остался у машины. Питание тоже. Вот это сохранил. Выкинуть успеем.

Я не стал задавать технические вопросы, ответы на которые не изменили бы дела. У меня не возникнет связи только оттого, что я узнаю, чего именно не хватает.

— Зовут как?

— Николай.

— Где служили?

Он ответил, затем посмотрел на сумку.

— Люди говорили, капитан вас старшим оставит.

— Пока сам старший.

— Сам-то он старший, только нога…

Беляев не договорил.

Я заметил, как молодой человек бережно отодвинул детали, прежде чем спрятать в карман небольшую фотографию.

— Семья?

— Дочка.

— Большая?

— Год и восемь. На карточке шесть месяцев. Пока другую прислали бы, война началась.

Он протянул фотографию.

Девочка сидела на руках у женщины и смотрела в сторону с серьёзным, почти сердитым выражением. Под снимком с обратной стороны стояли два имени. Жена и ребёнок.

— Маруся, — сказал Беляев. — Жена пишет, прямо с кровати решила ходить. На пол не захотела спускаться.

Он засмеялся сам. Смех быстро оборвался.

— Посмотреть бы. Как она теперь ходит.

Я вернул карточку.

— Сохраните сухой.

— Сохраняю. Она у меня надёжнее всего имущества.

В первый раз за сутки мне захотелось сказать человеку что-нибудь совершенно обычное. Рассказать, как моя дочь в год ходила, держась за край дивана. Как падала на зад и сердито кричала на диван, словно он её подвёл.

Моя дочь родится через шестьдесят четыре года.

Если родится.

Я промолчал дольше, чем следовало. Беляев отвёл глаза, решив, что задел что-то личное.

— Я санитарной сумке ремень починю, — сказал он. — Зинаида Павловна просила.

— Почините.

— Ещё очки человек сломал. Можно оправу перевязать.

— Липатов. У первого дерева.

— Пойду.

Мы поговорили меньше пяти минут. За эти пять минут в группе появились связист Николай Беляев, его жена, маленькая Маруся и надежда когда-нибудь увидеть, как ребёнок научился ходить.

Воевать приходилось не только за крупные слова. Иногда за эту надежду, которая целиком помещалась на маленьком снимке.

Я дошёл до края стоянки и сел.

Пятидесяти трём людям требовалась дорога. Двенадцать из них были ранены. Зорин и Туровец ехали на плечах товарищей. Поляков лежал, хотя иногда пытался уговорить Зинаиду разрешить ему сесть. Ещё несколько человек шли самостоятельно только потому, что не хотели отстать.

До сих пор я думал об устройстве своей новой жизни так, будто она возникла отдельно от них. Что-то случилось со мной; остальные оказались рядом.

Теперь стало понятно, что отдельно не получится.

Если я остаюсь здесь, я должен что-нибудь сделать для этих людей.

* * *

Под утро на стоянке стало холодно.

Кто-то укрыл ноги шинелью. Кто-то сидел, обхватив винтовку, и дремал с открытым ртом. Савельев свернулся возле рюкзака, в котором лежал мой чужой блокнот. Мартынов проверял, чтобы люди не уходили по нужде далеко в лес.

Головная боль уменьшилась. На её месте оставалась тяжесть, как после очень короткого сна.

Я достал письмо.

Мать Нечаева жила в небольшом городе на Волге. Она сообщала о соседке, которая наконец отремонтировала крышу, просила сына беречь ноги и не отказываться от тёплой еды. В конце написала, что никакие новые сапоги не нужны: старые ещё хорошие, пусть он лучше сохранит деньги.

Одна строка скрылась в сгибе бумаги.

Я расправил лист осторожно.

«Отец твоей карточке рад. Говорит, совсем взрослый теперь».

Я посмотрел на фотографию в удостоверении.

У меня была память о другом отце. О другом доме. О семье, которую я оставил в двадцать первом веке, отправившись на несколько дней в поисковый отряд.

Два отца, две матери, два прожитых возраста. Одного человека я знал до последней мелочи. О другом имел несколько бумажных листов и лица пятерых его солдат.

Я не мог сказать, погиб ли Сергей Нечаев или где-то оказался в моём теле. В мыслях такая возможность возникла сразу и показалась одновременно надеждой и ужасом. Если в двадцать первом веке откроет глаза человек из сорок первого, рядом с ним окажется Лена. Она увидит моё лицо, а внутри будет другой.

Я сложил письмо.

Фантазировать о доме оказалось опаснее, чем переносить носилки. После носилок болели мышцы. После этих мыслей я переставал замечать, что происходит вокруг.

Липатов подошёл с очками в руке.

— Товарищ лейтенант. Он сделал.

Беляев укрепил дужку так, что очки теперь держались ровно. Семён выглядел почти празднично.

— Хорошо.

— Я теперь в передние могу.

— Отдохнули?

— Чуть-чуть.

— До утра помогайте старшине. В передние пойдёте после отдыха.

Он ушёл, довольный тем, что просьбу не отвергли совсем.

Капитан позвал меня, когда в лесу посветлело.

Зинаида наложила на его ногу свежую повязку и предупредила, что долго трясти его не стоит. Он ответил, что попробует приказать ноге потерпеть. На этот раз санинструктор усмехнулась.

Я сел возле карты.

— Сколько? — спросил Зорин.

— Пятьдесят три. Двенадцать раненых. Трое нуждаются в носилках, остальных посмотрели.

— Пулемёт?

— Один ручной. Патроны пересчитывает Мартынов. У ваших есть оружие и запас, его тоже примем в учёт.

— Только не раздавайте последнее без спроса. Разных патронов хватает, не всё друг к другу идёт.

— Учтём.

Капитан попросил Коршунова записывать. Потом сказал то, ради чего, вероятно, думал всю короткую ночь:

— До своих вы руководите переходом. Движение, охрана, разведка на вас. Я направление сверяю и за старшего по званию остаюсь. Это всем объявим. Мартынов хозяйство ведёт. Если против приказа кто полезет, ко мне приводите.

Я посмотрел на него.

— А если потребуется менять направление быстро?

— Меня за носилки не таскайте, чтобы разрешение спросить. Действуйте по обстановке. Потом докладывайте.

Это был разумный порядок. За сутки я впервые получил право, за которое не приходилось платить притворством, будто знаю всё.

— Есть.

Зорин попросил вернуть карту в сумку, оставив наружу нужный край.

— Я вас не заменяю, Нечаев, — сказал он. — Я помогу, когда могу. Только не изображайте из себя полк. Людей немного. В драку без нужды не лезть.

— Задача выйти.

— Так точно. Задача выйти.

Я поднялся.

Мартынов стоял неподалёку и слышал разговор. На его лице не было ни торжества, ни недовольства. Только облегчение от того, что теперь не придётся выяснять порядок под огнём.

Коршунов аккуратно закончил запись, поставил дату. Тридцатое июня.

Ещё один день в прошлом.

Мы разбудили тех, кому пора было вставать. Новый общий список занял две страницы. Беляев помог Липатову затянуть ремень на вещевом мешке. Зинаида проверила трёх лежачих. Капитан взял карту, и Гнатюк присел у края его носилок.

Они нашли дорогу, которую проводник помнил.

На бумаге она выглядела самой удобной из всех.

— Туда можно выйти быстрее, — сказал Зорин.

Гнатюк не спешил отвечать.

— Тут мост был. Малый, через ручей. Телеги ходили.

— Это хорошо.

— Только возле моста лесника дом. Там могут стоять. Из деревни туда ездят.

Капитан поднял глаза на меня.

Вчера слова «можно выйти быстрее» соблазнили бы сильнее. Сегодня я уже нёс документы Горюнова.

— Посмотрим на месте, — сказал я.

Борис Андреевич кивнул.

— С этого и начните.

Глава 4. Общий приказ

Приказ объявляли без строя.

Люди сидели под деревьями, лежали на носилках, завязывали ремни. Никто не собирался изображать плац. Зорин попросил, чтобы все слышали, и сказал сам — медленно, с остановками на вдох.

До соединения со своими руководит переходом лейтенант Нечаев. Старший по званию остаётся капитан Зорин. Старшина Мартынов ведает хозяйством. В каждом перемещении участвуют все, кто находится в общем списке.

Последнюю фразу он повторил.

— Чтобы потом не говорили, что не поняли. У нас здесь люди. Не отдельные ноги, которые каждый хозяин повёл куда захотел.

Кто-то коротко хмыкнул. Большинство молчало.

Капитан поднял руку.

— Вопросы?

— До какой части идём? — спросил Рябов.

На его голени лежала свежая повязка. К нашей группе он присоединился ночью и уже хотел знать, где кончится зависимость от чужого решения.

— До своей, которую найдём, — ответил Зорин. — Дальше командование разберётся.

— А наши?

— Найдём возможность, доложим и про ваших.

— Зачем нам всем вместе тащиться?

Мартынов повернул голову, но капитан остановил его взглядом.

— Затем, что здесь раненые. И затем, что одному в лесу хуже. Вы думаете иначе — докладывайте по существу.

Рябов опустил глаза. Он не собирался ссориться. Ему просто требовалось представить конец этой дороги, а капитан его не давал.

Никто из нас не мог дать.

Я сказал о ближайшем этапе. Дозор проверяет дорогу и переправу через ручей. Колонна двигается после сообщения. Перед носилками идут люди, способные убрать помеху или найти обход; позади не остаётся никого без ведома замыкающего. На остановке — пересчёт.

Пока говорил, несколько раз ловил себя на привычных современных выражениях. Заменял их простыми словами. Людям хотелось понять, где им идти и кого слушать. Им были безразличны термины, которыми в моей прежней жизни определяли то же самое.

— Если кто заболел или нога не держит, сразу скажите, — добавил я. — Пока стоим, помочь легче.

Коршунов поднялся.

— Мне за капитаном оставаться?

— Да. Вы его бумаги знаете?

— Знаю.

— Карта и записи у вас. Доклады передаёте мне и ему. Без пересказов через троих.

Он кивнул с заметным удовлетворением. Человеку вернули понятное дело.

Беляев спросил, кто будет заниматься связью, если найдётся имущество.

— Вы, — сказал я.

— Значит, искать будем?

— Будем. Только колонну ради пустого ящика не задерживаем.

Связист согласился. На этих словах общий приказ закончился, а его выполнение началось почти сразу с маленького скандала.

* * *

Мартынов нашёл в вещевом мешке две полные фляги.

Хозяин мешка до этого жаловался, что у него закончилась вода. Принимать общую флягу он не отказался.

Старшина поставил находку перед ним.

— Это что?

Боец покраснел.

— На потом.

— Потом у тебя уже сейчас. У Полякова горло высохло, он просил. Ты слышал?

— Я домой не собираюсь помирать.

— Он тоже не собирается.

Я подошёл на последних словах. Хозяина мешка звали Кудрин. Фамилию уже записал Савельев. Совсем молодой, с широким лбом и маленьким подбородком. Винтовку держал близко к себе, как будто её тоже могут забрать.

Мартынов хотел вывернуть весь мешок.

— Не надо, — сказал я.

Старшина остановился.

— Он же…

— Воду нашли. Всё остальное потом по порядку.

Кудрин посмотрел на меня с надеждой.

— Это моя.

— Была ваша. Теперь часть отдадим раненым. Одну флягу оставите себе. Вторую Зинаиде Павловне.

— А если у меня кончится?

— Придёте и скажете.

— Другие тоже прячут.

Это могло быть правдой. Я не стал требовать фамилии.

— Мартынов, воду у всех проверить. Чтобы знали запас. Вещи людям оставляем. Еда, патроны, перевязочный материал — записать, у кого что есть.

Кудрин обиделся уже иначе. Не на то, что его поймали, а на то, что лишили небольшой тайной возможности пережить остальных.

— Вы обещаете, что дадите? — спросил он.

— Да. Если есть что дать.

— Вот именно.

Он расстегнул мешок и протянул вторую флягу. Зинаида приняла её без всяких замечаний. Мартынов сделал вид, что занят ремнём.

Я пошёл дальше, понимая, что здесь нельзя разом отменить страх и жадность. Если бы я объявил, что всё отныне общее, часть людей послушалась бы, часть спрятала лучше, а остальные решили бы, что командир хочет отнять последнюю защиту от голода.

Нужно было сначала показать, для кого мы собираем имущество.

Я попросил Зинаиду пересчитать перевязочные пакеты. Беляеву поручил помочь Мартынову с тем, что требует проверки. Савельев записывал.

У маленького общего хозяйства оказалось много владельцев.

Пара запасных портянок принадлежала человеку, который сам уже третий день ходил в мокрых. Ножом пользовались двое. Сухари разделили между четырьмя мешками. Патроны Мартынов оставлял там, где их смогут нести без перегрузки, но отмечал количество. Найденное у обозных масло для оружия Беляев перелил в исправную небольшую ёмкость.

Кудрин пришёл и показал Зинаиде ещё одну маленькую вещь: кусок мыла.

Он объяснил, что нашёл его раньше, возле разбитой машины. Не стал говорить, сколько времени собирался держать при себе.

Санинструктор поблагодарила.

Я увидел, как молодой боец после этого впервые сел рядом с другими, а не отдельно.

Из маленьких поступков складывалась возможность провести людей хотя бы до следующей ночи. Никакого большого чуда пока не требовалось. Требовалось, чтобы у Полякова оказалась вода, а у Кудрина — уверенность, что его имя не пропустят, когда будут раздавать еду.

* * *

Дозор с Гнатюком вернулся ближе к полудню.

Мост через ручей сохранился, но рядом с домом лесника были чужие следы. Людей не увидели. Сапоги отпечатались недавно; возле сарая валялась консервная банка с непривычной надписью.

Одна банка не доказывала присутствия немецкой части. Она доказывала только то, что здесь уже побывал человек с немецкими припасами. Но для наших носилок и этого было достаточно, чтобы не входить в узкое место вслепую.

Зорин выслушал доклад.

— Сколько потеряем, если обойти?

Гнатюк показал на карте соседний участок.

— По гряде можно. Дальше вниз, к ручью, там шире. Но без моста ноги мочить.

— Лежачих перенести получится?

— Надо смотреть. Там летом неглубоко было.

— Опять было, — сказал капитан.

Гнатюк почесал затылок.

— Другого не знаю.

Я увидел, что он начинает стыдиться своего незнания. Это было опасно. Стыд иногда заставлял людей отвечать уверенно о том, чего они не проверили.

— Вы правильно докладываете, — сказал я. — Покажете нам место. Проверим и решим.

Мартынов отправил передних, затем начал поднимать остальных. Нечаеву предстояло командовать уже не тридцатью, а пятьюдесятью тремя людьми. Размер группы увеличился, вместе с ним увеличилась и задержка между моим словом и его исполнением.

Зорин заметил это почти сразу.

— Помощников назначьте, — сказал он. — Вы с конца в конец набегаетесь до потери головы.

Я определил, кто отвечает за каждую часть колонны. Никто из выбранных не получил нового звания или красивой должности. Просто каждому назвали людей, которых он должен видеть на переходе.

Липатов получил небольшой участок перед носилками. Он принял задачу серьёзно и сразу переспросил, можно ли передавать её другому, если придётся помогать раненому.

— Передать можно. Только тому, кто понял и принял.

Коршунов держался у капитана. Савельев помогал старшине. Впереди шли Гнатюк и Зубцов, рядом с которым теперь двигался человек, способный подхватить его оружие, если рана станет мешать.

Иначе распределить людей после ночи было нельзя.

На первой остановке нового порядка я дошёл до носилок Зорина.

— Голову не кружит? — спросил он.

— Пока терпимо.

— Удобное слово. С ним любой покойник ещё до утра доживёт.

Я улыбнулся.

— Если станет хуже, доложу.

— Станет хуже — могут другие доложить. Вы раньше скажите.

Коршунов придерживал карту. Носильщики капитана отдыхали, опустив плечи. Молодые лица у них были старше моего чужого лица.

Мы посмотрели на направление. Зорин попросил показать, сколько уже прошли. Гнатюк рассказал. Получалось меньше, чем хотелось.

— С такой скоростью долго будем, — сказал Коршунов.

Капитан глянул на него.

— С другой скоростью без меня будете.

Ефрейтор сразу опустил глаза.

Зорин выдохнул.

— Я понял, что вы сказали. Не надо делать вид, будто раненых у нас нет. Надо знать, сколько можем пройти с ними.

Я отметил место остановки. В новом блокноте рядом с красивой прямой линией, которую позволяла карта, появлялась реальная дорога. Она выгибалась, останавливалась, возвращалась на уже пройденное. В ней находились носилки, больные ноги и неизвестный сарай с консервной банкой.

* * *

Ручей встретил нас холодной водой.

Место, которое помнил Гнатюк, действительно было проходимым. Но проходимым для человека с винтовкой и лёгким мешком. Носилки приходилось переносить осторожно, придерживая с обеих сторон. Двое поскользнулись. Поляков вскрикнул, потом сердито попросил, чтобы его лучше сразу утопили, чем опять опускали.

Горюнов бы ответил. Теперь вместо него молча перехватил жердь Липатов.

Я помогал на берегу. После каждого переноса люди возвращались ещё раз за оставленными вещами. Разбирать собственный груз перед переправой никто не хотел, но после воды многие вдруг начали замечать, что некоторые находки весят больше, чем стоят.

Возле капитанских носилок Коршунов стоял с сумкой прижатой к груди.

— Если упаду, документы мокрые будут, — сказал он.

— Не упадёте, — ответил один из носильщиков.

— Хорошо вам говорить. У меня тут не только моё.

Беляев взял сумку и помог ему пройти. Потом вернулся за собственным мешком.

Зинаида на другом берегу заставила людей отжать портянки. Четверо спорили, что задерживаться нельзя. Она показала на ноги Рябова.

— Хотите так же, идите мокрые. Он сейчас уже только терпит.

Рябов пробормотал, что у него рана, а не портянки. Санинструктор сказала, что одного неприятного обстоятельства ногам вполне достаточно.

Пока люди приводили себя в порядок, я впервые за двое суток заметил красоту леса.

На воде лежал свет. Где-то стучала птица. Молодая осина дрожала листьями, хотя возле земли ветра не было. Если бы здесь сейчас не стояли люди с винтовками, этот участок выглядел бы точно так же, как лес возле поискового лагеря.

От этого стало ещё труднее.

Сначала я думал, что смогу удерживать два времени отдельно. В одном происходило невозможное. В другом оставались дом, жена, взрослая дочь. На практике любое знакомое дерево связывало их и заставляло ждать простого выхода обратно.

Я хотел найти телефон.

Это желание было настолько нелепым, что я уже злился на себя. Кобура на поясе не превращалась в карман современной куртки. Фляга не превращалась в бутылку воды с этикеткой. Мои молодые руки не становились прежними.

Лена утром позвонила бы сама.

«Доехали?»

Я бы ответил, что доехали, что связь в лесу плохая, что вернусь по договорённости. Дочь Варя добавила бы из кухни, чтобы я привёз что-нибудь интересное. Не находку с раскопок: память погибших она понимала. Просто шишку или смешную фотографию лагерной собаки.

Если я не вернусь, они сначала будут звонить. Потом выяснять. Потом искать.

Саша выжил? Я успел вытолкнуть его, но видел только руки возле отверстия. Может быть, второй обвал накрыл и его. Может быть, сейчас поисковики разбирали землю, а моё прежнее тело лежало под бревном.

— Товарищ лейтенант.

Я не сразу повернул голову.

Передо мной стоял Кудрин.

— Ремень у Быкова перетянули. Он жалуется.

— Позовите Зинаиду Павловну.

— Она у капитана.

Я встал.

Быков сидел у поваленного дерева и держался за ногу. Ремень давил поверх края повязки, которой прихватили ткань. Я не стал сам исправлять то, что требовало медиков. Только помог удобно сесть, подложил под ногу мешок и дождался Зинаиды.

Она сняла лишнюю тугую перевязь и выругалась на тех, кто её добавил без спроса.

Быков спросил, скоро ли будет остановка. Я ответил, что уже есть. Пусть отдыхает, пока можем.

Так прошлую жизнь от меня опять отодвинул простой человеческий вопрос.

До возвращения домой требовалось решить гораздо больше, чем я знал. До следующей остановки требовалось не дать одному бойцу испортить рану. Это хотя бы было возможно.

* * *

К вечеру отряд стал узнавать себя.

Люди начали обращаться по фамилиям. Из мешка Кудрина вытащили немного сахара, и он сам предложил отдать часть лежачим. Коршунов показал Савельеву, как лучше расположить сведения, чтобы затем составить донесение. Беляев поправил ремень санитарной сумки и попросил Зинаиду посмотреть, не натирает ли теперь плечо.

Петя Савельев рассказывал Липатову, что в его школе дети вечно теряли чернила. Липатов отвечал, что у них в мастерской постоянно исчезали свёрла и никакая взрослая жизнь на это не влияла.

Разговор оборвался, когда неподалёку пророкотали моторы.

Мы переждали.

Я выслушал дозор и подошёл к капитану. Зорин попросил не складывать все вещи вокруг носилок в один огромный груз.

— Вдруг тронуться быстро, вы меня этим же и придавите.

Коршунов убрал сумку. Беляев забрал мешок с деталями.

— Всё при себе таскаете? — спросил капитан связиста.

— Что сохранил.

— Прибор соберёте?

— Если ещё половину сохраним.

— Смешной.

Беляев не стал отвечать.

Я видел, как он бережно закрывает мешок. Такие люди иногда сохраняли полезную вещь дольше, чем она оставалась полезной. Но я также знал: из-за желания командиров избавляться от непонятного потом много раз недоставало именно того, что выбросили первым.

Пока мешок нёс он сам и никого не заставлял замедляться, запрещать не стоило.

Сухари раздали снова. Зорин ел маленькими кусками, стараясь не шевелить ногой. Туровец почти не притронулся к своей доле. Зинаида отложила её в отдельный свёрток.

Поляков спросил у Савельева, прочитает ли тот ему что-нибудь. Учитель ответил, что книгу не принёс.

— Так сам знаешь.

— Стихи?

— Что угодно. А то всё слушаю, как гремит.

Савельев помолчал. Потом начал рассказывать историю про ученика, который принёс в школу живого ужонка и выпустил под партой. Рассказ получился неровным. Петя забыл фамилию другого ученика, несколько раз поправил себя, но Поляков слушал внимательно.

Я тоже слушал.

Никто из нас не получал специального права на этот короткий мирный разговор. Он просто возник, пока мы сидели, и сделал получасовую остановку похожей на отдых.

После неё люди поднялись охотнее.

Зорин посмотрел на меня поверх карты.

— Ночью далеко не уведёте?

— Сначала по проверенному участку. Потом остановимся. Утром в деревню выйдем, если там возможно.

— Еды сколько?

— До утра. Дальше нужно искать.

— И транспорт.

Я кивнул на три пары носилок.

— Транспорт в первую очередь.

Он перевернул карту и нашёл маленький знак возле дороги.

— Здесь деревня есть. Если её не прошли. Гнатюк, покажите.

Проводник приблизился. Название ему было знакомо. Он сказал, что возле крайнего дома располагался большой сарай и держали лошадей.

Мне захотелось сразу считать найденных лошадей нашим транспортом.

Я остановил себя.

Карта показывала деревню. Гнатюк помнил сарай. Лошади могли быть уведены, хозяева могли уйти, в самом доме мог стоять противник. Сведения пока не давали нам ни одной повозки.

Но давали цель следующего этапа.

* * *

Ночью я остановил колонну раньше, чем планировал.

Рябов всё хуже наступал на ногу. Быкову помогали двое. Туровец попросил поставить носилки так, чтобы голова была выше, и надолго замолчал. Даже здоровые перестали спорить и только смотрели на того, кто двигался впереди.

Это было не послушание. Это было истощение.

Мартынов принял моё решение без возражений. Выбрал людей, которым ещё можно было поручить наблюдение, и сам прошёл кругом, прежде чем позволить остальным сесть.

Зорин спросил, сколько не дошли до намеченного места.

— Немного.

— Мало или много?

— На сегодняшний темп не рассчитываем больше. До деревни утром.

Капитан посмотрел на меня, потом на раненых.

— Годится.

Я сел возле берёзы. Сапоги стали чужими не по виду, а по боли. Они принадлежали молодому Нечаеву, но уже натирали мои ноги. Шрам на руке пульсировал. Кровь у виска засохла и тянула кожу.

Было удивительно, как быстро новое тело превращается в привычное, если его заставляют работать.

Савельев подошёл с блокнотом.

— Пятьдесят три.

— Все на месте?

— Все. У Полякова воду оставил. Зинаида Павловна просила вас не будить, если упадёте.

— Что значит упаду?

Он смутился.

— Если заснёте.

Я благодарно улыбнулся.

— Тогда не будите. Если опасность, будите сразу.

— Понял.

Он убрал карандаш и спросил неожиданно:

— Вы верите, что нас найдут?

— Мы сами найдём своих.

— Я не про своих.

Он смотрел на тёмную полосу леса.

— Я про дом. Если мы здесь… Если что случится, дома узнают?

Я взял блокнот у него и открыл список.

— Для этого записываем.

Савельев посмотрел на имена.

Мне снова захотелось сказать, что всё будет хорошо. Что люди, которые сейчас ждут дома, обязательно узнают, как их мужья и сыновья дошли до своих. Но под первой фамилией погибшего уже стояла дата.

— Будем передавать сведения, как появится возможность, — сказал я. — Надо сохранить бумаги.

Петя кивнул.

Рядом капитан просил Коршунова повернуть край карты. Беляев возился с портянками Липатова. Мартынов тихо ругал одного из наблюдавших, которому уже второй раз приходилось напоминать о его задаче.

Пятьдесят три человека учились идти вместе.

Через несколько часов нам предстояло попросить у незнакомых людей хлеб и повозки. Для этого недостаточно было прийти с оружием. Нужно было убедить их, что после нашего ухода у них останется хоть что-нибудь, кроме пустого дома.

Я прикрыл глаза.

Перед тем как уснуть, успел услышать, как капитан спрашивает у старшины:

— Всё он помнит?

Мартынов ответил не сразу.

— Что надо людям, помнит.

Потом я перестал слышать лес.

Глава 5. Хлеб под расписку

Первая женщина вышла на крыльцо с пустыми руками.

Она увидела наши носилки, затем винтовки. Слово, с которым собиралась обратиться, задержалось у неё во рту. Дверь за спиной открылась шире, и я заметил мужчину в расстёгнутой рубахе.

— Не стреляйте, — сказала женщина.

Никто из нас не собирался стрелять.

Но я успел понять, что отвечать на такие слова поспешно не стоит. Человек, встречающий вооружённых людей возле собственного дома, знает о них меньше, чем они знают о своей усталости и голоде.

Я опустил руку, которой придерживал ремень.

— Нам раненых положить в тень. Воды взять. Мы советские.

— Вижу.

Женщина посмотрела на петлицы, потом снова на носилки.

— До колодца сами дойдёте. Справа, за сараем.

— Лошадей у вас держат?

Мужчина спустился на ступень ниже.

— Какие ещё лошади?

У него было широкое обветренное лицо. Одна рука с трудом сгибалась в локте. Я понял, что наш вопрос не станет продолжением простого разговора о воде.

— Нам троих перевозить нужно, — сказал я. — Долго на руках не донесём.

— Уже приходили за лошадьми.

— Кто?

— Всякие.

Он смотрел прямо. Женщина возле него молчала, но я видел, как напряглись её пальцы.

Мартынов подошёл со стороны дороги и доложил, что передние обошли деревню. Противника в ней не обнаружили. Несколько жителей видели машины на большой дороге; в дома те пока не заходили. Среди дворов стояли закрытые, хозяева которых ушли раньше.

Я попросил старшину вывести людей с улицы и не допускать самостоятельных поисков. Он понял сразу. Если сейчас каждый голодный боец начнёт искать еду по своему разумению, через полчаса вместо деревни с колодцами мы получим деревню, которая будет ждать нашего ухода.

— Тимофей Андреевич, — сказала женщина мужчине. — Хоть раненых пустите.

Он помолчал.

— В сад кладите. Под яблонями. Там трава.

Коршунов с носильщиками первыми повернули капитана во двор. Зинаида показала, где удобнее положить Полякова и Туровца. Савельев снял фуражку, которую нашёл у одного из обозных, и помахал ею над лицом Фёдора Ильича. Тот реагировал на прикосновения, но на вопросы отвечал всё реже.

Мужчина посмотрел на его живот и больше не стал задерживать проход.

Я поблагодарил.

— Пока ещё не за что, — сказал он. — Потом благодарить будете.

* * *

На улице появлялись жители.

Старуха в платке. Девочка, которую тут же увели обратно. Мужчина с лопатой. Он даже не собирался работать, просто держал предмет, с которым привычно чувствовал себя у собственного двора.

До них доходили самые разные сведения. Минск взят. Минск не взят. Немцев возле города остановили. Немцы прошли дальше. На востоке собирают огромные силы, а сюда пришли только маленькие передовые группы.

Люди спрашивали, что правда.

Я назвал только то, что видел.

На дорогах есть противник. Мы идём к своим. В деревне задерживаться надолго не будем.

Некоторых такой ответ возмущал больше, чем явная ложь.

— И вы даже не знаете, куда идёте? — спросила женщина возле калитки.

— Ближайшее направление знаем. Расположение своей части проверяем.

— Так вы нас бросили?

Я не успел ответить. Кузьму Полякова рядом как раз приподняли, чтобы переложить удобнее. Он услышал и зло сказал:

— Если бы бросили, я бы сюда на двух ногах пришёл.

Женщина посмотрела на него и ушла.

Я не стал звать обратно. Ей тоже было страшно. У неё могли быть дети, а куда их увозить, никто не объяснил. В словах «вы нас бросили» помещалась вся её растерянность, а не готовое обвинение, которое можно разобрать по пунктам.

Коршунов позвал меня в сад.

Зорин лежал под яблоней и вытирал лицо платком. Тимофей Андреевич стоял рядом.

— Капитан, — сказал хозяин. — Руденко я. Тимофей.

— Понял. Нам транспорт нужен.

— Транспорт ушёл. Хорошие лошади уже на дороге. Осталось, чем домой дрова возить.

— Посмотреть можно?

Руденко усмехнулся.

— Сами же посмотрите.

— Пока спрашиваю.

Они говорили одинаково спокойно, и от этого беседа казалась ещё более напряжённой. Капитан имел право требовать. Хозяин понимал это и старался не уступить раньше времени.

— Два дома ещё держат, — сказал Тимофей. — Я и Буйко. У меня одна кобыла. У него две. Старые все. На большие дела вы их не выставляйте.

Зорин посмотрел на меня.

— Лейтенант, со старшиной посмотрите. Вещи без учёта не брать. Продовольствие так же.

Руденко опять усмехнулся, но менее зло.

— Учёт, значит.

— Учёт.

— Бумажку дадите?

— Дадим.

— А с бумажкой я потом в пустой сарай пойду.

Борис Андреевич прикрыл глаза.

— Если вас самих вывезти, тоже бумажка понадобится?

Хозяин не ответил. Впервые в разговоре появилась мысль, которую он, возможно, ещё не позволял себе произнести.

Из дома вышла его жена. Под мышкой у неё было полотенце, в другой руке кружка.

— Я воду принесу, — сказала она мне. — Анна Петровна.

— Спасибо, Анна Петровна.

Она посмотрела на капитана.

— Молока ему можно?

Зинаида подошла и попросила сперва дать чистой воды. Тимофей перевёл взгляд с жены на раненого и пошёл показывать сарай.

Мартынов двинулся за ним. Я пошёл следом.

* * *

Кобыла стояла в полутёмном стойле.

Старшина осмотрел её без всякой торопливости. Руденко следил за каждым движением.

— Сам подковы поправлял? — спросил Егор.

— Кто ещё?

— Хорошо поправил.

— Учиться пришлось.

— Ходить будет?

— Ходит. Пока не торопят.

Я посмотрел на повозку. Она была рабочей, тяжёлой, с потёртыми бортами. Место, где обычно лежали мешки или дрова, теперь предстояло приспособить для человека с перебитой ногой.

— Двоих положить? — спросил я.

Руденко наклонился, показал на край.

— Если один поперёк, сломаете и его, и другое. Лежать вдоль надо. Подстилку положить. Двоим тесно будет, но можно, если рост не большой. Только на дороге ехать тихо.

Я слышал в его голосе уже не спор о собственности. Он обсуждал работу.

Мартынов нашёл место, где борт можно снять без повреждения. Чтобы переложить капитана, не поднимая его высоко. Хозяин показал, как это делается, и позвал жену за старым сеном.

Буйко пришёл, пока мы возились.

Степан Ефимович был сухой, невысокий, с ладонями, похожими на деревянные лопатки. Он сразу начал осматривать нашу работу и обнаружил, что один ремень затянут плохо.

— В дорогу так не ходят, — сказал он.

— Ещё не ходим, — ответил Мартынов. — Собираемся.

— Вот и собирайтесь ровно.

Тимофей кивнул на соседа.

— Это у нас лучший человек. Всё знает, потому никогда не молчит.

Буйко посмотрел на него.

— Если бы ты слушал, третью зиму новую ось не делал бы.

Я впервые за двое суток рассмеялся не из вежливости.

Степан Ефимович посмотрел на меня без улыбки, но глаза смягчились.

— Молодой командир. А голову отчего забинтовали?

— Возле колонны ударило.

— Понятно. На войне редко спрашивают, в какую голову ударить.

Его жена, Марфа Ивановна, пришла чуть позже. Она принесла тряпьё и спросила, которое можно резать на подкладки. Зинаида выбрала чистую ткань, а оставшееся попросила оставить для дороги.

Две семьи принимали участие в нашей подготовке так, словно ещё не решили, что подготовка уведёт их из собственного двора.

* * *

С хлебом дело обстояло труднее.

У Руденко запас был, но небольшой. У Буйко ещё меньше. В нескольких дворах жили женщины с детьми. У одного дома лежала больная старуха. Из такого дома можно было забрать еду, но человеку, который её забирает, потом нечего сказать самому себе.

Я дал Мартынову простую задачу: выяснить, кто действительно может помочь и что после помощи останется. Старшина ворчал, что все теперь будут говорить, будто нет ничего.

— Проверим, — ответил я. — У нас капитан есть. Врать ему тоже не всем легко.

Егор понял, что грубая шутка заменяет сейчас общий приказ, и усмехнулся.

Зорин позвал старшего из оставшихся жителей. Они вместе составили перечень дворов, где могли дать еду без немедленного голода. Никто не обещал, что решение справедливое до последней крошки. Мы просто пытались не превратить нужду в грабёж.

В одном доме нашёлся большой мешок муки. Его хозяин долго уверял, что мешок пустой. Когда выяснилось обратное, стал кричать, что всю жизнь работал, а теперь всё унесут.

Борис Андреевич не повышал голоса.

Он показал на носилки.

— Вы этих видите?

— Вижу.

— Им завтра дойти нужно. Вам тоже. Половину оставим.

Хозяин замолчал не сразу. Но муку отдал.

Анна Петровна с Марфой стали раскладывать еду. Две другие женщины помогали. Появились буханки, картошка, крупа, немного сала. Совсем немного — такое, которое надо было резать тонко.

Савельев записывал, кто и сколько дал. Коршунов помогал оформлять расписки. Капитан ставил подпись.

Я видел, как человек прячет подписанную бумагу в карман и одновременно смотрит на мешок, который уносят. Он верил в капитанскую подпись меньше, чем в оставшуюся муку. Но бумага позволяла хотя бы не чувствовать себя совершенно бесправным.

— Вернут? — тихо спросил Савельев.

— Будем добиваться, чтобы учли, — ответил я.

Я знал, что Советский Союз выстоит. Я не знал, что произойдёт с этими домами, этими лошадьми, этой маленькой распиской. Знание будущего давало не так много прав на уверенность, как мне хотелось.

Кудрин предложил помочь у мешков. Он работал старательно. Когда нашёл небольшую завязку сахара, не спрятал, а передал Марфе.

Она потрепала его по рукаву.

— Так и лучше, сынок. Всё в живот сразу не кладут.

— Я и не клал, — обиделся он.

Она не стала спорить.

Пока готовили еду, Беляев нашёл у Буйко кусок крепкой кожи для ремня. Степан сперва пожалел, потом увидел санитарную сумку и отрезал сам.

— Верните нож.

— Конечно.

— Я всякому конечно уже нож дарил. Теперь не дарю.

Связист вернул сразу после работы. Степан посмотрел на него с одобрением.

Из дома принесли большую кастрюлю. Зинаида раздала воду лежачим, потом наконец села. Анна Петровна поставила перед ней миску.

— Ты поешь.

— У капитана ещё…

— Он уже ест. Ты поешь.

Санинструктор подчинилась без спора.

Я увидел, насколько молодо её лицо. До этого передо мной всё время находился человек, который работал с ранами. Теперь оказалась девушка, уставшая так сильно, что держала ложку обеими руками.

Она поймала мой взгляд.

— Вам тоже дают. Там.

— Пойду.

— Идите. Упадёте ещё, я вас поднимать не собираюсь.

Анна Петровна рассмеялась.

— Собирается. Потому и злится.

Зинаида спрятала улыбку в миске.

* * *

Полякова и капитана переложили в разные повозки.

В повозке Буйко капитан лежал рядом с Туровцом. Пришлось снять борт и подложить свёрнутые вещи, чтобы головы не ударялись. Зорин сперва пытался возражать против лежачего соседа. Не потому, что хотел отдельное место. Боялся задеть человека, который уже едва отзывался.

Зинаида поправила обоих и сказала, что теперь трясти станут меньше.

Кузьма у Руденко сначала сел, потом сам попросил положить его. Он посмотрел на новую подстилку и неожиданно сказал:

— Горюнову бы показать.

Я осторожно устроил его ногу. Анна Петровна принесла кусок чистой ткани.

— Тому, которого потеряли? — спросила она.

Кузьма кивнул.

— Мужики хорошие быстро уходят, — сказала женщина. — Плохие дольше при доме шумят.

Поляков не ответил, но впервые позволил чужому человеку побыть возле своей памяти.

Руденко закончил смотреть упряжь. Буйко сказал, что надо оставить одну лошадь запасной, иначе дорога очень быстро отнимет всё преимущество двух повозок. Мартынов согласился, хотя я видел, как ему хочется немедленно нагрузить свободное животное.

— Вещи не поднимутся сами, — проворчал он.

— И лошадь сама себя не родит, — ответил Буйко.

Я утвердил предложение возчиков. Их знание мне было нужнее дополнительного мешка в первый час.

Когда стали распределять, кто поведёт повозки, Тимофей сказал:

— Я свою сам.

— До выхода из деревни? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Дальше тоже.

Анна Петровна стояла на крыльце со свёртком. У неё уже было то лицо, которое появляется, когда человек вынес из дома последнее личное решение и поставил его перед собой.

— Мы идём, — сказала она.

Я не сразу ответил.

— Куда рассчитываете?

— За вами. Пока туда же.

— Дорога опасная. Мы уже людей потеряли.

— А здесь не опасная?

За сутки войны я привык к вопросам, на которые нет утешительного ответа. Этот оказался ещё одним.

Руденко показал на свёрток жены.

— У нас дети не здесь. Младший на службе. Старшая под Оршей. Если дальше пройти сумеем, попробуем до неё.

Буйко вышел из своего двора с Марфой Ивановной. Соседи решили вместе. Долгая совместная жизнь не избавляла их от ссор, но давала способность уходить одним решением.

Степан Ефимович сначала закрыл дверь, потом вернулся и проверил, не оставил ли в доме нож.

— Останется кто присмотреть? — спросил я.

— Присмотрят, — ответил он. — Если дом будет.

Он положил ключ в карман. Тяжёлый железный ключ совсем не подходил к дороге, где требовалось уменьшать груз. Никто не предложил его выбросить.

Мы внесли четыре фамилии в список.

Пятьдесят семь человек.

Я отдельно сообщил капитану. Зорин попросил объяснить местным порядок движения и то, что повозки не смогут останавливаться, когда каждому захочется.

— Сами объясните, — сказал Руденко. — А потом я вашим объясню, как колёса об корни не ломают.

Капитан улыбнулся.

Впервые мне показалось, что из уважения к чужому делу получится нечто прочнее приказа.

* * *

Перед выходом мы вернули одну мешковину, которую бойцы взяли со двора без записи.

Хозяйка встретила нас грубо. Сказала, что всё равно никакой разницы нет, бумажку или не бумажку напишем, приходили одни, придём другие. Кудрин, державший мешковину, вспыхнул.

Я остановил его жестом.

Мы оставили вещь возле двери и ушли.

Когда прошли несколько шагов, женщина догнала нас. В руках у неё была небольшая свёрнутая лепёшка.

— Раненым, — сказала она.

Кудрин взял осторожно.

Она вернулась домой, не дожидаясь благодарности.

Я посмотрел на молодого бойца.

— Зинаиде отнесите.

Он кивнул.

Так и хотелось запомнить эти минуты как начало хорошего порядка. Но на окраине нас остановил старик с вопросом о сыне. Называл номер части, фамилию командира, деревню возле границы. Ничего из этого я не мог подтвердить. Старик слушал всё менее доверчиво.

— Вы же офицер, — сказал он.

— Офицер.

— Значит, знать должны.

Мне пришлось ещё раз сказать, что не знаю. Он отвернулся.

Деревня отпускала нас с хлебом, повозками, двумя семьями и вопросами, на которые мы не ответили. Это тоже следовало помнить. Если представить, будто появление отряда принесло людям только пользу, очень скоро перестанешь замечать, что забираешь.

Зорин лежал в своей повозке, придерживая карту. Туровец рядом дышал ровнее, чем утром. Зинаида проверила обоих и перешла к Полякову.

Носильщики впервые шли со свободными руками.

Свободные руки ещё не означали свободного человека. Но они могли держать оружие, поправить ремень товарищу, подхватить раненого, который споткнулся. За короткое утро деревенские повозки изменили весь наш отряд.

Савельев дошёл до меня и доложил число. Затем хотел что-то спросить, но остановился.

— Говорите.

— Мы теперь вроде настоящей части.

— Потому что повозки?

— Потому что вместе.

Он оглянулся на людей.

У Руденко в повозке лежал Кузьма, который разговаривал с Анной Петровной о картошке. У Буйко ехал капитан, прежде потребовавший документы у незнакомого лейтенанта. Между ними шёл бывший учитель со списком. Связист помогал возчику поправить ремень, а старшина ругал здорового бойца, который хотел сесть на край и прибавить лошадям работы.

Очень маленькая часть.

Пока настоящая настолько, насколько люди собирались идти вместе.

Мы сделали короткую остановку в лесу, чтобы не оставаться всей колонной на открытом участке. Зорин сверил направление. Руденко предупредил о болотистой низине, которую по карте принять за плохую дорогу было легко, а в действительности там могло застрять колесо.

Я отправил Гнатюка с передними. Зубцова попросил пока отдохнуть рядом с санитаром.

К полудню над деревней мы увидели дым.

Не большой столб пожара, а несколько тонких полос. Я не знал, были ли это обычные печи или туда уже вошли чужие. Руденко долго смотрел назад. Анна Петровна не оборачивалась.

Я не стал говорить, что всё у них будет хорошо.

Буйко проверил ключ в кармане и повёл лошадей дальше.

* * *

Вечером к нам пришли люди из другой части.

Первый появился на просеке с поднятой рукой. За ним ещё двое. Они были вооружены, но не держали винтовки наготове против нас. Гнатюк привёл их к капитану и ко мне.

Старший назвался лейтенантом Костиным.

Виктор Сергеевич. Лицо сухое, чёрная щетина, взгляд, который сперва оценивал повозки и только потом людей.

— У вас много лежачих? — спросил он.

— Трое, — ответил я. — Ещё ходячие раненые.

— Скорость невелика.

— Не такая, как у здоровой группы.

Он кивнул, подтверждая собственную мысль.

— У меня тоже люди. Нужна карта. Возможно, вместе пойдём участок.

Зорин попросил подойти ближе.

— Сколько вас?

— Тридцать восемь.

Савельев остановился рядом с открытым блокнотом.

Я посмотрел на учителя. В его глазах на секунду вспыхнуло облегчение: ещё бойцы, ещё оружие, ещё люди, которые могут помочь.

Костин снова перевёл взгляд на капитанскую повозку.

Я увидел другое.

В его представлении наши повозки уже были причиной, по которой идти вместе стоит только часть дороги.

Глава 6. Люди из другой части

Костин не сел, пока не узнал, кто принимает решения.

Я показал на капитана. Виктор Сергеевич подошёл к повозке, представился ещё раз и коротко доложил о своей группе. Тридцать восемь человек. Десять ранены, но идут самостоятельно. Связь со своей частью потеряли. В течение дня проверяли несколько дорог, дважды пришлось возвращаться.

Зорин выслушал и спросил:

— Задача какая у вас?

— Выход к своим.

— Тогда общая.

Костин оглянулся на повозки.

— Способ может быть разный.

Капитан не ответил сразу. Ждал продолжения.

— У нас люди идти могут. Если с обозом, темп падает. Я не говорю, что вам бросать раненых надо. Но пройти вместе можем до места, где разойдутся дороги.

— Пока пойдём вместе, руководит Нечаев, — сказал Зорин. — У вас люди своё командование сохраняют, задачи получите от него. Дальше по обстановке.

Костин посмотрел на меня.

Он был на десять лет старше моего видимого возраста. Уже успел прослужить достаточно, чтобы не путать внешнюю уверенность с опытом. Моё лицо такой опыт не обещало.

— Где собираетесь Березину переходить? — спросил он.

— Выберем после сведений.

— То есть ещё не знаете.

— Подходящий участок ещё не проверен.

Он кивнул. Не как человек, которого убедили. Как человек, который получил подтверждение своим сомнениям.

Я не собирался доказывать возраст рассказами о службе. Здесь важнее было, как быстро мы сможем начать работу.

— Ваши отдыхали?

— Сегодня немного.

— Выберите тех, кто способен ещё пройти короткий участок. Нам нужны сведения о следующей дороге. Остальные сначала поесть, раненые к санинструктору.

— Санинструктор одна?

— Одна. Врачей пока нет.

— Слыхал, что возле Червеня медики отходили.

Зорин приподнялся.

— Когда слыхали?

— Сегодня утром. От артиллеристов. Они южнее держали.

— Сами не встречали?

— Нет.

Я попросил Савельева отметить сообщение вместе со временем. Костин наблюдал за ним и неожиданно спросил:

— Что у вас за писарь?

— Учитель. Людей записывает.

— У меня свой список есть.

— Передайте ему. Сверит после присоединения.

Костин достал сложенную бумагу. Некоторое время держал в руке, затем отдал.

Это было первым маленьким согласием.

* * *

Его люди появились у стоянки ровными небольшими группами.

В них было меньше той растерянности, с которой собрались мои первые тридцать. Старшие знали, кто идёт впереди и кто несёт общее имущество. Раненые старались не отделяться от здоровых.

Я видел работу командира и не хотел терять её, просто присоединив людей к своей колонне.

Десять пострадавших пришли к Зинаиде. У кого-то рана была уже старой, у кого-то повязка ещё пахла кровью. Один боец дожидался осмотра, сидя очень прямо. Потом, когда санинструктор попросила открыть плечо, выяснилось, что ткань присохла и каждый поворот отзывается болью.

— Чего молчал? — спросил Костин.

— Не хотелось отставать.

— Отставать никому не хочется. Отвечать надо честно.

Я запомнил эти слова. Виктор Сергеевич видел цену быстрым решениям лучше, чем пока показывал.

Мартынов пришёл принимать имущество. В группе был ещё один ручной пулемёт, винтовки, несколько запасных магазинов, патроны, два неполных мешка сухарей. Егор стал выяснять количество. Один из бойцов Костина встретил это недоверчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.